

КОЕ-ЧТО О ПРОШЛОГОДНЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литература — зеркало жизни.

Справедливость этого троизма особенно резко подчеркивается литературой и, главным образом, журналистикой только что истекшего года. Она, правда, не дала ничего очень крупного и оригинального — ни в области беллетристики, ни в области публицистики или критики, но зато оставила в высшей степени ценный материал для характеристики современного общественного настроения. С этой стороны, как нами было указано в другом месте, наиболее значительным произведением должен быть признан, по нашему мнению, рассказ А.П. Чехова "Человек в футляре". Этот небольшой рассказ, занимающий всего каких-нибудь десять страниц, полнее и ярче всякого другого произведения самого г. Чехова и всех других авторов рисует один из самых распространенных душевных дефектов современного русского человека: оторванность от жизни, болезненное стремление уйти подальше от действительности, запрятать себя в "футляр", сузить и окорнать до последней степени свою индивидуальность, свои естественные чувства, желания и порывы. При этом, как в произведении истинно-художественном, читатель найдет в "Человеке в футляре" не один только тонкий психо-

логический анализ данного явления, но и генезис его, его происхождения и причины — причины не случайного, а общественного характера. Никаких авторских отсебятин А.П. Чехов в этом, как и во всех других своих произведениях себе не позволяет, он не делает никаких экскурсий в область рассуждений с целью определить причины, порождающие уродливую и — увы — многочисленную у нас категорию людей в футляре; он только так располагает материал, над которым оперирует в рассказе, что перед читателем открывается бесконечная психологическая перспектива, разворачивается трагическая история пригнетенной, робкой, униженной души. И он видит, как и почему нарождаются такие души, он всем своим существом чувствует при чтении "Человека в футляре", что заставляет людей прятаться в футляры, обесцвечивать и извращать до неузнаваемости свою индивидуальность; он создает, наконец, как много вокруг него футлярных людей и что он сам, кто-бы он ни был, тоже, в большей или меньшей степени, — человек футлярный.

Нельзя сказать, конечно, чтобы А.П. Чехов первый затронул эту тему: многие писатели разных величин подходили к ней задолго до г. Чехова, да и в современной художественной литературе, помимо талантливого беллетриста, многие затрагивали тему "Человека в футляре", но никто не дал такую яркую типическую фигуру и никто не сумел нарисовать такого героя, который имел бы столь широкое общественное значение. Можно без преувеличения сказать, что всякий, кто захочет изучить современное русское общество, должен будет

взять исходной точкой чеховский рассказ, ибо — что-бы ни говорили разные теоретики — главное несчастье нашей жизни заключается в тех именно условиях, которые создают людей в футляре, а главное горе русского человека — в его футлярном настроении, футлярных взглядах, футлярной жизни или, выражаясь иначе, в приниженности и извращенности его личности. — Большинство, конечно, мирится со своей приниженностью: подобно чеховскому герою, учителю Беликову, они санкционируют даже свое бессмысленное прозябание или пассивно и уныло покоряются ему, отказываясь даже от примитивных проявлений своей личности, — как герой другого рассказа г. Чехова "О любви", появившегося вслед за "Человеком в футляре", — или, наконец, всю душу свою, все свои помыслы и стремления приносят в жертву какой-либо ничтожной чисто растительной своей склонности, как это мы видим в третьем рассказе того же автора — "Крыжовник". После неудачного романа герой "О любви" — человек интеллигентный — до крайней степени опускается, теряет образ и подобие человеческое и совершенно отказывается от проявления своих вкусов, желаний, симпатий и антипатий. Жизнь — же героя "Крыжовника" — фигура приблизительно такой же ничтожной и приниженной, как и Беликов, — проявляется только в мечте о приобретении усадьбы, в которой был бы сад и непременно с кустами крыжовника. Ничего, буквально ничего другого не желал этот несчастный, ни о чем другом не мечтал. Скажут, пожалуй, что это — карикатура или уродство. Но взгляните кругом — и вы уви-

дите, какая масса есть людей, похожих по своей жизни и по своему нравственному облику на героя Чехова. Разница только в объекте мечтаний и стремлений, во всем же остальном полнейшее сходство: та же атрофия индивидуальности, то же отсутствие мало-мальски серьезных запросов личности, та же приниженность духовной жизни при неустанных стремлениях к удовлетворению своих низменных инстинктов или при мечтаниях о чем-то призрачном, недостижимом — о "меонах", например. /.../ Полном соответствии с их пригнетенной индивидуальностью и не приходят в столкновение с порабощающими условиями действительности. Эти искусственные интересы и эта фальсифицированная жизнь разнообразятся и варьируются сообразно личным вкусам и степени умственного развития лица: одни довольствуются "крыжовником", другие, кто успел вкусить плодов от науки и философии, измышляют "меонизм", третьи — декаденты — либо культивируют и проповедуют разнузданность и торжество низменных инстинктов, видя в этом эмансипацию личности, либо предаются бессмысленным мечтаниям в стихах и в прозе и туманным грезам о том, "чего нет на свете".

/.../

С. Двинин